

Измайлов А. А.

Литературный Олимп

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗ7

ИЗ7 **Измайлов А. А.**
Литературный Олимп / Измайлов А. А. – М.: Книга по Требованию, 2021. –
516 с.

ISBN 978-5-517-98334-3

ISBN 978-5-517-98334-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Вмѣсть съ великимъ Громовержцемъ Зевесомъ возсѣдаютъ на Олимпъ и „боги меньшихъ племенъ“, и предъ всѣми ими одинаково останавливается съ золотой чашей вѣчно юная Геба.

Вотъ отвѣтъ автора тѣмъ, кто указалъ бы, что не всѣ имена, вошедшія въ эту книгу, равны въ чести, что мѣсто нѣкоторыхъ изъ нихъ на высокомъ Олимпѣ можетъ быть пререкаемымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ, вошедшихъ въ книгу, только слава великаго патріарха нашей литературы да Чехова стоитъ непреложна. Какъ бы ни громка была извѣстность другихъ именъ,—около нихъ сегодня еще шумитъ и воинствуетъ вражда, столь же пламенная, какъ любовь и поклоненіе.

Но у всѣхъ этихъ именъ есть или былъ свой часъ настоящаго успѣха. За всѣми ими неотрицаема своя доля безспорнаго просвѣтительнаго вліянія. Всѣ они способны интересовать, какъ писатели и люди. Всѣ они вписываютъ свою страницу въ наши льтописи.

Ко всему этому, эта книга только первый томъ большаго начинанія, которое должно дать цѣлую галерею великихъ и малыхъ въ литературѣ.

Книга эта писалась и печаталась, когда еще въ Россіи жилъ Толстой. Его смерть ничего не мѣняетъ въ статьяхъ о немъ. И закатившееся солнце есть солнце. Только вмѣсто счастливаго „есть“ читатель уже долженъ вездѣ ставить печальное „былъ“.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Литературный Олимпъ.

ПАТРИАРХЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Какъ, вѣроятно, всякому пишущему, мнѣ не разъ въ жизни приходилось слышать отъ людей, «начинавшихъ» въ литературѣ и первыми неудачами приведенныхъ въ отчаяніе, такія слова:

— Испробовать все, и все неудачно. Теперь одна надежда на Толстого. Пойду къ нему. Какъ онъ скажетъ,—такъ тому и быть.

Я встрѣчалъ людей, попадавшихъ въ ужасные житейскіе «переплеты», измучившихся до предѣла въ нравственной борьбѣ. Они говорили:

— Вотъ поѣду въ Ясную Поляну.

Пиш:

— Вотъ напишу Толстому. спрошу совѣта.

И въ ихъ глазахъ вспыхивалъ огонекъ послѣдней надежды, и они писали, ѣхали, исповѣдывались. Я видѣлъ десятки интеллигентовъ, для которыхъ заѣздъ въ маленькую тульскую деревню былъ страстною и вѣчною мечтою жизни.

Начинающему неудачнику изъ самоучекъ можно было бы просто возразить, что Толстой не передастъ ему таланта, если у него нѣтъ своего. Для каждаго нрав-

ственно измучившагося человѣка Толстой не могъ бы, если бы и хотѣлъ, писать спеціальныя успокоительныя трактаты.

Но въ этомъ довѣрчивомъ исканіи опоры въ великомъ старикѣ, но въ этомъ сознаніи, что есть тутъ, на родинѣ, кто-то мудрый и сильный, кто пойметъ, утѣшитъ, научитъ, въ этомъ тяготѣніи всѣхъ, отъ интеллигента до простака, къ одной точкѣ, затерявшейся среди необъятнаго русскаго простора, — символизировалась великая тяга русской земли къ этому богатырю мысли, пророку и учителю современности.

II.

Именно такъ же всякій разъ, когда пролетало надъ Россіей что-нибудь большое, новое, страшное или радостное, — гораздо чаще, конечно, страшное, потому что уже давно Россія не знаетъ радостей, — наши взоры ожидаательно скрещивались на маленькой географической точкѣ въ центрѣ Россіи, и мы взволнованно и жадно ждали, что скажетъ на наши сомнѣнія, на наши ожиданія яснополянскій мудрецъ.

II никогда эти надежды не были обмануты. Его слово, какъ Божій громъ, ударяло въ самыя основы зла, безстрашное, дерзновенное, принудительно убѣждающее.

Такъ прогремѣло его «Стыдно», заклеившее порку крестьянъ въ XIX вѣкѣ. Такъ властно и мужественно говорилъ онъ правителямъ, политикамъ, революціонерамъ, капиталистамъ, говорилъ во время голода и войны, погромовъ, убійствъ и политическихъ казней, религіозныхъ преслѣдованій побѣдоносцевской поры, въ разгаръ плевенской вакханаліи политическаго произвола, когда самый юбилей его казеннымъ циркуляромъ строжайше предписывалось печати — замолчать.

Только ненадолго въ самые послѣдніе годы, между общественнымъ настроеніемъ и пониманіемъ вещей Толстымъ почувствовалась рознь. Говорили и писали, что Толстой осудилъ порывъ русской свободы. Теперь выяснилось, что здѣсь было больше недоразумѣнія и недопониманія, чѣмъ правды. «Я—противъ движснія, да еще освободительнаго! Что за пелѣпая вещь!.. Смѣшно, что чиновники вздумали вогнать въ карточный домикъ все огромное стремленіе народа къ обновленію жизни и овладѣть этимъ стремленіемъ»... Это онъ самъ сказалъ въ одной бесѣдѣ.

Съ философскихъ высотъ Толстой смотритъ черезъ наши головы, черезъ тревоги и борьбу нашего дня въ безконечно отдаленное, мечтаемое царство высшей правды на землѣ. А намъ больше всего дорогъ нашъ день, и насъ больше всего потрясаетъ вчера пролитая кровь...

III.

Эта роль мудраго, «вѣснаго», опоры, роль «старца» въ монашескомъ смыслѣ— есть то центральное, что прежде всего выступаетъ, когда назовутъ имя Толстого. Есть невыразимая радость въ сознаніи, что здѣсь, среди насъ, живетъ и мыслитъ этотъ великій духъ, бьется это удивительное сердце, спокойно и прекрасно совершаетъ свой путь въ вечернемъ свѣтѣ этотъ «могущій понять и научить».

Съ его именемъ за огромный вѣкъ срослось такъ много, съ нимъ такъ переплелись великія и прекрасныя, давно ушедшія тѣни, что онъ кажется какъ бы полубогомъ, взоръ котораго обращенъ назадъ, въ прошлое, хотя онъ и даритъ насъ, сыновей и внуковъ, привѣтомъ своей улыбки.

Такъ сила ободренія, объединенія, добраго внушенія всѣмъ членамъ семьи живетъ въ патріархахъ. Они мо-

гутъ быть слабы. Они могутъ не совсѣмъ раздѣлять порывы внуковъ. Но ими скрѣпляется и держится великій семейный союзъ.

Помню, во время одного разговора о приѣмѣ Толстымъ многочисленныхъ къ нему паломниковъ одинъ человѣкъ сказалъ:

— Какъ, должно-быть, ему трудно позволять смотрѣть на себя. Вѣдь это то же, что изображать икону!

Икона, — это грубо, но въ чувствѣ интеллигентнаго преклоненія предъ творцомъ русской Илиады и Одиссеи, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то родственное съ обожаніемъ вѣрующаго.

Вся цѣлостная фигура великаго старика, это «онъ есть у насъ» — наполняли и наполняютъ насъ гордымъ и мощнымъ чувствомъ. Въ немъ у насъ живой «залогъ предъ Европой». «Если гений русскій могъ родить этотъ фактъ, — писалъ Достоевскій объ «Аннѣ Карениной», — стало-быть, онъ не обреченъ на безсиліе, можетъ творить, можетъ давать *свое*, можетъ начать *свое* собственное слово и договорить его, когда придутъ времена и сроки».

IV.

Мы можемъ быть гордыми тѣмъ, что отлившійся, кристаллизовавшійся типъ *представителя столѣтія*, какой скупо даетъ исторія, — для второй половины XIX вѣка дала человѣчеству Россія. Человѣкъ, сдѣлавшій это и самъ явившійся этимъ воплощеніемъ — живетъ съ нами.

Какимъ-то чудомъ двумъ-тремъ людямъ на протяжении вѣка судьба даетъ назначеніе сосредоточить въ себѣ всѣ лучи столѣтія, всѣ порывы лучшихъ умовъ времени, всѣ благороднѣйшія стремленія сердца. Какъ чудесный драгоценный камень, они испускаютъ изъ себя пламенные лучи, запечатлѣвающие вѣкъ, на диво